

Дискуссии

УДК 940.21

А.В. Доронин

МИФ НАЦИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Рассматривается зарождение современных европейских наций как дискуссионная проблема.

Ключевые слова: нация, дискуссия, историография, Возрождение, мифология.

Дискуссия по проблеме зарождения института «наций» продолжается не менее двух столетий. Кажется, сегодня мы ушли уже от теорий, понятий и образа мышления XIX–XX вв., но вряд ли их преодолели. Когда я в силу своих профессиональных интересов обращаюсь к исследованиям, посвященным становлению германской нации, то отмечаю, что до сих пор в поисках ее начала апеллируют к памятникам древнегерманской письменности VIII в., то есть ко времени, когда, по справедливому замечанию Дитера Гойниха, «не было еще ни немецкого языка, ни немцев как единого народа, ни германской империи, ни даже самого имени deutsch/ diutisk / theodisk» [33. S. XI]. Национальным символом для немцев и французов, а соответственно основным объектом мифологизации остается Карл Великий [32. P. 273–311, 497–534; 14; 31. S. 20–225; 16; 27; 13. S. 213–235; 9; 26; 11; 20; 24 и др.]. Через него обе нации легитимируют собственные политические амбиции и самобытность отечественной культуры. Одновременно конъюнктура периода формирования национальных государств проецируется на VIII в. – время племенных государственных образований, когда не было еще ни Франции, ни германских княжеств в том виде, в каком они известны в XVI в. (да и раздел франкской империи на Западную и Восточную, как известно, будет скреплен Верденским договором лишь в 843 г. и повторен в 870 и 887 гг.), ни наций даже в их средневеково-университетском понимании. На таком ретроспективном удалении некорректна сама постановка вопроса: «кто он, Карл Великий, – немец или француз?»¹. Вообще, становление наций все еще понимают как цепочку этногенезов, отсылая к общности происхождения, которая якобы через тысячелетия институционализирует идентичность; укореняют преемственность истории современных европейских народов со времен Ветхого Завета и Древнего Рима. Между тем ясно, что нет прямого пути от средневекового династического, гентильного сознания и территориального государства к современному институту нации. Подобные интерпретации сознательно уклоняются от исторического контекста, в котором идея «нации» была найдена и сконструирована (в немецком языке адекватным термином является «Erfindung der Nation»). Именно в эпоху Возрождения идея нации предвзрывает национальную общность.

Анализируя немецкую историографию, посвященную ренессансному летописанию, в том числе классические труды Пауля Йоахимсена, замечу, что опубликовано много, но принципиально новое, увы, не столь заметно. Всем специалистам знакомы работы Эдуарда Фютера, Хайнриха Риттера фон Србика, Вернера Гёца, Рюдигера Ландфестера, Арно Зайферта, Ульриха Мулака [18; 19; 15; 29; 16; 22; 28; 23] и др., исследовавших наследие Ренессанса под разным углом зрения, но без акцента на том, как формируется национальная мифологема, на которой покоится институт «нации»².

Проблема зарождения «наций» так или иначе находится в центре общественного внимания, провоцирует новые интересные подходы, задавая а priori масштаб / масштабность проектов. Тема эта не только далеко не исчерпана, но в силу событий конца XX в. – распада СССР, Югославии, Чехословакии и других многонациональных государственных образований, а также продолжающегося активного поиска и конструирования новых национальных мифологем (они демонстрируют эффективную функциональность), – вновь чрезвычайно актуальна.

¹ Сам Карл заявлял, что он сикамбского происхождения, а сикамбры, как полагает большинство исследователей, наполовину галлы (кельты), наполовину германцы. Сикамбры (сугамбры) – одно из основных племен, образовавших, наряду с бруктерами, усипетами и др., франкский племенной союз. Х.-Ф. Дёблер пишет о них как о «германских племенах с невыясненной, может быть, кельтской, идентичностью» [12. S. 248].

² Как исключение можно назвать коллективный труд (см: [24]). Согласно интерпретации его авторов идея «нации» сквозь столетия ищет свою форму и обретает ее в Новое время.

Не идентифицируя «нацию» с государством, квазиобязательной формой ее существования, и не модернизируя ее как сложившийся гражданский институт Нового времени, а обратившись к истокам самой идеи, рано или поздно мы сталкиваемся с вопросом: где тот момент (Knackpunkt), после которого можно говорить о «нации» *de facto*? Очевидно, исторический процесс не дает возможности маркировать этот рубеж, что подтверждает многообразие используемых терминов: «гентилизм», «прото-национализм», «преднационализм» (Pränationalismus), «досовременная нация» (natione premoderna), ранний национализм, «прелюдия национализма», этноцентрический национализм, национальное государство и др.

Совсем не обязательно подразделять образование «нации» на хронологические фазы – первую (культурная или этническая), вторую (гражданская нация) или еще большее их число, – и вообще расчленять этот процесс. Кроме того, чтобы дефинировать понятие «нация», стоит различать *patio* (университетские нации (nationes) в средневековье), национальности (Nationalitäten), народ (Volk), наконец, собственно нацию (Nation). Эти термины имеют разное исторически детерминированное смысловое наполнение³. Острую полемику вызывают также вопросы: кто являлся носителем национальной идеи, о какой нации собственно идет речь – рыцарской? сословной государственной? дворянской? нации единого народа? имперской? нации интеллектуалов? Какие признаки лежат в основе идеи «нации» – национальная идентичность, лояльность, патриотизм или так называемое национальное самосознание? Что ее конституирует – территория, культурные традиции, язык, историческая память и т.п.? Все это вызывает ожесточенные споры.

Попытаюсь схематично и упрощенно (что на пользу дискуссии) представить свое видение проблемы зарождения современного института «наций».

В Европе XV – начала XVI в. нарастают центробежные политические тенденции. Папский престол все менее воспринимается в качестве равноудаленного духовного авторитета (каким он фактически никогда и не был). Столкновение интересов различных государств, династий, духовенства и императоров, а также нависшая над западным миром угроза турецкого завоевания (перед лицом которой оформляется европейская общность, вначале – как единая культурная идентичность⁴) приводят к образованию новых региональных – и не только – центров, значение которых в дальнейшем, как правило, лишь усиливается. Им нужна новая легитимация, которую они находят в истории, прочитанной по-новому.

Кризис христианского мира в XV в. дал импульс секуляризованному эстетическому посылу – культурному Возрождению, а именно филологической и исторической реституции античности, воспроизводству ее образцов. Однако трехчленная схема Петрарки «античность – средние века (варварство) – возрождение античности» делила историю на эпохи, противопоставленные друг другу (что было чуждо предыдущим столетиям, а теперь релятивировалось). Ветви единого древа христианской цивилизации оказались «обрублены» (до Петрарки династические *otigo* («роды») воспринимались как ветки одного ствола, кроной которого были императоры Священной Римской империи – именно через родство с последними другие династии определяли свое место в мире). «Что общего имеет невежество галлов с «Этикой»? Когда побеждает Аристотель – что до этого галлам?» – восклицал Петрарка [6. С. 385]. Преемственность истории, полагал он, нарушилась с падением Рима от меча варваров. Средние века – (культурная) цезура между эпохами, разрыв привычных связей универсума, а его следствие – *translatio imperii et studii* («перенос империи и знаний»). Согласно этой схеме речь больше не шла об универсуме и его составных частях (в ходе знаменитых церковных соборов XV в. «нации» воспринимались еще как рабочий инструмент – *instrumenti technici*). Средние века – продукт дисконтинуитета.

Когда Петрарка и его последователи, «прямые потомки римлян», монополизировали высокую античную традицию, остальным, «варварам» (обладающим, впрочем, реальной политической властью в Империи!), не оставалось ничего иного, как искать и находить собственные традиции. От иерархического моноцентризма наблюдается переход к полицентризму равновеликих субъектов истории через дегероизацию Рима и противопоставление (!) «собственных традиций» римско-латинской и всем другим, чужим (!), что преодолевало комплекс цивилизационной неполноценности. В этом смысле в программе гуманистической культуры заложен пафос саморазрушения – возрождение клас-

³ От латинского *nascor, natus sum, nasci* (рождаться, происходить).

⁴ См. доклад И. Хельмрата «"Европа" и христианство. История проблемы», прочитанный в Германском историческом институте 11.06.09: URL: http://www.dhi-moskau.org/seiten/veranstaltungen/programme/2009/Vortrag_Helmrath_11.06.2009.pdf

сической античности сменяется ее инструментализацией, затем отрицанием/преодолением (как «чужой») в интересах конструирования автохтонной национальной древности; одновременно оформляются национальные литературные языки («...древний, более звучный, всякому понятный родной язык... имеет свое собственное употребление и свое особенное свойство» [1. С. 215]) и т.д. «Темные» средние века становятся в эпоху Возрождения объектом национализации, через них проходят новые линии европейской легитимации. Уже не из древности, как раньше, тянут хронисты историческую нить для утверждения какой-либо династии, а из современности с ее прагматичной политической идеологией; переписывают историю заново, открывая/конструируя и собственную национальную историю. Главная задача авторов – утвердить в рамках принципиально иной схемы миропорядка историческую преемственность через национализируемые ими «средние века» к мифологизируемой и даже мистифицируемой античности («темными веками» становится в таком случае сама античность; как тут не вспомнить, например, о знаменитых «Древностях» Джованни Нанни и его псевдо-Берозе!⁵) и соответственно преодолеть дисконтинуитет, заложенный императивом Ренессанса. Новые мифологемы, своего рода фундамент исторической памяти нации, конституируют ее как идею. На месте когда-то единого могучего древа дают всходы самостоятельные побеги – *Germania*, *Anglia*, *Polonia* и др. – конструируются новые локальные линии преемственности, «возрождаются/рождаются» национальные традиции. Именно гуманисты отождествили знакомую античным авторам *Germania* (и не только), – аморфный в прошлом, постоянно изменявшийся мир между Северным и Балтийским морями, Рейном, Дунаем и Вислой, – с чем-то исторически цельным (землей немцев – *Deutschland*), имевшим общность происхождения, культуры, языка, религии, нравов. В силу дисконтинуитета (в т.ч. вследствие Великого переселения народов) все эти немецкие, французские и другие ренессансы – из области мифического, воображаемой реальности. Но именно «возрождение высоких отечественных традиций» оформляет историческую память нации.

Едва ли не главная проблема в споре складывающихся наций в Европе раннего Нового времени, а следовательно, в хрониках их летописцев – *translatio imperii et studii*, – вопрос о том, кто наследует славу, власть и культуру Рима и берет на себя бремя забот о будущем христианства. Развернувшаяся вокруг него дискуссия провела своего рода демаркационную линию между нарождающимися школами национального летописания и нациями. Носители римско-латинской традиции, итальянские гуманисты, проникнутые духом национальной исключительности, мечтали о собственном сильном (как вариант – флорентийском, папском или др.) государстве, потому в подавляющем большинстве не принимали идею переноса империи к Каролингам. Акт коронации Карла понтификом и «утверждения» (аккламации) его титула народом Рима они расценивали не более как формальную процедуру. В Карле Великом и его преемниках на троне они хотели видеть лишь щит империи. Петрарка и его последователи выступали за возрождение национальной, свободной от варварского влияния культуры, настаивая на ее континуитете («Рим был основан троянцами. А кто основал Троию? Конечно, италик и тосканец. Есть свидетельство Вергилия...» [6. С. 388]), противопоставив ее (древне) греческой.

Наследственность династическая, от Каролингов к Капетингам, была главным доводом французских историков эпохи Возрождения в их стремлении утвердить *translatio imperii* в пользу французских королей. Причем те, кто признавал приоритет франкского начала в процессе образования французской нации, апеллировали к фигуре Карла Великого; те же, кто рассматривал Галлию как историческую провинцию Римской империи и настаивал на непрерывности романской линии, исходили из идеи простого перемещения административного и культурного центра из Рима в Париж в рамках единого государства. В споре с итальянцами и немцами первые соответственно заостряли проблему *translatio imperii* к Каролингам (в таком случае Ренессанс во Франции понимался как гетерогенное явление в смысле возрождения традиций каролингского культурного подъема), вторые – *translatio studii* под своды Парижского университета (и тогда идея *renovatio* (обновления) вступала в противоречие с идеей *translatio*). Так или иначе восстанавливая, вернее, конструируя национальную древность, французские летописатели должны были сделать выбор: какие корни или, скорее, их комбина-

⁵ Краткое замечание сфальсифицированного монахом-доминиканцем Джованни Нанни (1432–1502) псевдо-Бероза о том, что Ной усыновил двух детей Туискона, долгое время служило основанием для гуманистов рассуждать о нем как первом короле Европы, соответственно первородстве немцев на европейском материке. В XVI в. убежденность немцев в том, что они являются первой, главенствующей нацией, базировалась не столько на «наследовании Риму» или же гипертрофированной имперской идее, сколько на вере в то, что они состоят в более тесном родстве с Ноем, чем другие европейцы. «Мы немцы – первожденные от Яфета» (Мартин Лютер).

цию предпочесть – романские? франкские (= германские, а опосредованно греческие – через франков к Трое)? галльские (кельтские, т.е. автохтонные)?⁶

Вообще, севернее Альп идея автохтонной древности большинства европейских народов попала на удобренную почву [17. S. 36, 37; 21. S. 61-67; 25]. Что касается немцев, то патриоты единой Германии могли противопоставить политическим амбициям французского королевства и папского престола исторический континуитет: акт переноса империи и культуры на германскую нацию через Каролингов расценивался ими как законное основание для притязаний на особую миссию в рамках христианской ойкумены. Объявляя правление франка Карла Великого началом Возрождения Римской империи, а линию власти вплоть до Оттона I и далее считая непрерывной, немецкие ренессансные авторы предлагали две различные трактовки *translatio imperii et studii*. Первая, условно «романская», подразумевала санкцию Рима, когда папа делегирует, а римский народ официально признает полномочия законно избранного императора-немца. Она восходила к Энею Сильвио Пикколomini, ее придерживались Якоб Вимпфелинг, Себастьян Мюнстер, Иоганн Куспиниан и многие другие гуманисты Германии. Вторая, условно «автохтонная», объявляла преемственность от греков к германцам в обход понесшего божественную кару Рима и игнорируя папское благословение. Цельтис, Авентин и иже с ними перелицовывали средневековый миф о троянском происхождении франков. Естественно, «автохтонная» версия настаивала на этническом континуитете германцев от древности до настоящего времени и (=значит) исконном не-варварстве их культуры. В такой редакции исходные установки Энея Сильвио о высокой немецкой культуре⁷ и Кампано о ее преемственности⁸ органично дополняли друг друга, но «древнеримская – средневековая латинская – современная итальянская» традиция теряла свою значимость в контексте общеевропейской и уступала национальной⁹.

Писатели XV–XVI вв. в рамках общехристианской системы координат (а до христианства и без христианства не существует Европы как некой общей идентичности) пытались по-своему упорядочить хаос племен и народов в «темные» средние века, синхронизировать прошлое, гармонизировать

⁶ В рамках династического континуитета утверждение о троянском происхождении франков не противоречило идее богоизбранности французской нации. В то же время *галлы* (термин получил распространение благодаря гуманистической латыни), ассимилированные Римской империей, а затем германцами, не могли претендовать на автохтонность. Николе Жилль, клирик и королевский секретарь, в опубликованных впервые в 1492 г. «*Annales & Croniques de France*» отстаивает легитимность и наследственность франкской (= французской) монархии, законным образом милостью Божьей наследующей трон римского императора, а Парижский университет рассматривает как символ преемственности науки. Один из наиболее знаменитых представителей университетской элиты Парижа, ценимый при королевском дворе, клирик Робер Гаген в доведенных до 1491 г. «*Regum Galliarum Annales*» пытается проследить родство галлов, германцев и франков. При этом он подчеркивает, что перед вторжением в Галлию франки в большей степени были проводниками троянской культурной традиции, нежели германской. Официальный историограф бургундского двора Жан Лемер де Бельж в изданных в 1511–1512 гг. «Зарисовках о галлах и единстве троянцев» высказывается за общее происхождение всех правящих европейских династий из Трои. Но именно франки-французы, по его мнению, своей самоотверженной борьбой за благородную троянскую свободу заслужили перемещение центра Римской империи в Галлию. В целом французские авторы XVI в. еще долго будут воспевать во славу правящего дома троянское прошлое франков (= французов); см., напр., эпос «Франсиада» Пьера Ронсара, первые книги которого увидели свет в 1572 г.

⁷ Энея Сильвио Пикколomini (1405–1464), гуманист, приближенный ко двору императора Фридриха III, в 1458 г. избранный папой под именем Пий II, вероятно, одним из первых среди ренессансных авторов еще в конце 1450-х гг. ознакомился с «Германией» Тацита. В ставшем впоследствии программным для немецких патриотов трактате «Германия» (1457/1458) Пикколomini, опираясь на описание нравов древних германцев, данное в первую очередь Тацитом, противопоставляет века варварства расцвету современной немецкой культуры. По его мнению, немцы обязаны этим христианской религии и церкви.

⁸ Джованантонио Кампано (1429–1477), секретарь Пикколomini-Тедескини (племянника Энея Сильвио), должен был в 1471 г. в Регенсбурге выступить с речью в рейхстаге с призывом к немецким городам и князьям подняться против турок в защиту христианской веры. Преследуя исключительно агитационные цели, он апеллировал к воинской доблести германцев, так ярко описанной Тацитом, признавая тем самым ее историческую преемственность. Если Энея Сильвио подчеркивал принципиальную разницу между древностью и современностью, то Кампано нарочито игнорировал дистанцию между ними, полагая, что природа немцев на протяжении веков не изменилась. Так и не произнесенная, эта речь впервые была напечатана в 1495 г. и в течение последующих лет многократно переиздавалась, существенным образом повлияв на становление немецкого национального летописания и самосознания.

⁹ См. подробнее: [2-4].

источники (Ветхий Завет, античные авторы, троянские легенды, средневековые анналы, народный эпос), прояснить европейскую историческую карту, наконец, найти новые линии преемственности. Им помогали даже откровенные мистификации и фальсификации, роль которых нельзя недооценивать (вспомним «Константинов дар», «Исидоровы декреталии», «Большую привилегию», а применительно к XVI в. в первую очередь – «Древности» Джованни Нанни и, главное, генеалогии его псевдо-Бероза). Перед ними стояли сложные задачи – как выстроить в единую, логически непротиворечивую, предполагающую историческую преемственность схему, например, кельтов, живших раньше на «германских» землях (а ведь Тацит был «склонен считать исконными жителями этой страны» самих германцев! [7. С. 354]), затем смешение имен и культур на различных этапах Великого переселения народов, далее сонм языковых диалектов и религиозных культов, и многое другое, что в принципе разрушало эту логику. Если делать выбор в пользу республиканского Рима, то нарушалась преемственность власти от римских цезарей к императорам Священной Римской империи. Если воспевать вслед за Тацитом автохтонные (*indigenae*) традиции предков, преуменьшая влияние Рима либо вовсе отрицая его, то как быть с христианской компонентой немецкой культуры? Если говорить о высокой, авторитетной, самобытной отечественной культуре в древности, то как представить ее без письменности? К слову, Иоганн Авентин считал кельтских друидов, мудрецов и магов организующим элементом своей концепции немецкой истории, гарантом ее преемственности и особого предназначения: «... эти древние монахи германцев (кельты у Авентина те же германцы. – *А.Д.*)» селились «среди больших дубрав, строили монастыри, имели школы, использовали греческий шрифт (по Авентину, древнегреческий и немецкий языки родственны; через Гомера, а не через Рим и латинскую традицию он легитимировал древность отечественной культуры. – *А.Д.*), учили народ всему, что касалось природы и богов, воспитывали детей»¹⁰. Саму идею «философов, живших на греческий манер среди галлов», впоследствии изгнанных императором Тиберием и перебравшихся в район Шварцвальда, где вплоть до Каролингов, королей Арнульфа и Оттона, они распространяли христианскую веру, Авентин заимствовал у Цельтиса [10. S. 29, 30], а в описании их повседневной жизни руководствовался «Записками о Галльской войне» Юлия Цезаря [5. С. 125–127]. Друиды составили опору авентиновской конструкции «автохтонной» Германии, в которой Трир был гораздо старше Трои, Туискон являлся прародителем греческого алфавита, а древние греки и немцы были одной крови.

Для представителей «романского» направления в немецком ренессансном летописании первостепенным было другое – культура христианская (читай, современная германская) превосходит языческую, будь то греческая или римская, уже по определению. Так, Г. Бебель сетует в адресованной Максимилиану I «Похвале Германии»: «... если бы были у нас писатели, которые запечатлели деяния немцев на земле и в мире горнем, были бы свежи еще в памяти величие, сила и мудрость Карла, Людвига, Лотаря, Фридриха, Оттонов, Генриха, Конрада, Рудольфа, Альбрехта и всех других немецких императоров, тогда бы лживые греки не представляли нам как пример всех добродетелей их Тесея, Фемистокла, Перикла, Мильтиада, Кимона, Эпаминонда, Кодра, Павсания и Алкивиада, а Рим – своих Фабиев, Цезарей, Флавиев, Сципионов, Горациев и Регулов, мужей, с которыми наши не только сравнялись величием дел своих, но которых значительно превзошли уже тем, что первые не стремились ни к справедливости, ни к тому, чтобы быть идеалом нравственности, но лишь жаждали повелевать. Наши же немецкие властители приняли на себя все заботы, все тревоги, всю ратную работу во имя служения Господу и вере, а также благоденствия и роста христианской империи» [8. S. 34]. Санкцией Господа подкреплялись притязания нации на лидерство, поэтому благочестие становится неотъемлемой характеристикой нации и принципиальным аргументом в политической полемике. Так в эпоху Возрождения возникают мифы о национальных добродетелях. Как прочитывались тогда ремарки Тацита о доблестях германцев? Если античный автор нарочито рисовал образцы морали, выгодно контрастирующей с современной ему разлагающейся римской, то ренессансные комментаторы видели здесь подтверждение и знак богоизбранности собственной (ими же конструируемой) нации, что, по их убеждению, позволяло немцам занять особое место в христианском мире. Спор о том, какая нация более нравственна и поэтому достойна наследовать Риму, обретал важное концептуальное и политическое значение, создавал благодатную почву для национальных мифов.

Так или иначе именно в противостоянии Риму «рождались» национальная история и эпические герои с харизматической аурой. Возникали мифы: в Германии – об Арминии, одержавшем победу

¹⁰ О друидах у Авентина см., напр.: [30. Bd. 4. Teil 1. S. 104–107; Teil 2. S. 741; Bd. 5. S. 17; Bd. 1. S. 366,367].

над легионами Квинтилия Вара (между тем это поражение мобилизовало римлян на борьбу с германцами, которые были разгромлены и ассимилированы, а сам Арминий убит соплеменниками); во Франции – о Верцингеториксе, объединившем для борьбы с Цезарем галльские племена; в Англии – о Боадичеа, противостоявшей легионам Нерона; в Голландии – о Цивилисе, возглавившем восстание батавов, и т.п. В центре национального летописания была дискуссия о том, чей герой благороднее, авторитетнее, достойнее. Немцу представлялся очевидным выбор в пользу Арминия.

Даже Троя как начало европейской истории, какой ее видели еще в XII в., в эпоху Возрождения теряет свою привлекательность. Ведь если, например, земли, занимаемые немцами, по Тациту, исконно принадлежали им, то они не являются пришлым народом. Троя как свидетельство древнего (не уступающего римскому) благородного статуса, оправдывающего претензии на особое место в европейской (= мировой) истории теперь остается востребованной в основном в генеалогии того или иного правящего дома. Жертвывая славой династии (а соответственно отдельной земли) во славу нации, немецкие патриоты в конечном итоге отдают предпочтение «исконной» Германии Тацита. Они не отрицают средневековые мифы о происхождении различных племен и народов, но понижают их в ранге, используя в новом идейном контексте, где те становятся отправными для принципиально иных конструкций – национальных.

Особенность рождения национальных мифологем в раннее Новое время заключается в том, что ренессансные летописцы воспроизводят воображаемую реальность прошлого с помощью исторической критики источников (призыв гуманистов «ad fontes!» – «к истокам!»). Все равно, кто и как это делает: гуманистическое историописание следует расценивать как феномен зарождающегося национального. Речь идет о новых, образно выражаясь, древах «наций» с собственными корнями и историей. Именно в XV–XVI вв. зарождается (вначале как миф) принципиально новая идейная конструкция – современные «нации». Эта мифологема впоследствии модернизируется и обогащается, но принципиального замещения ее не происходит. В этом смысле я не согласен с укоренившимся и даже не подвергающимся ревизии мнением, что ренессансные представления об институте «нации» не имеют серьезного наполнения (соответственно исторической значимости), что они якобы не более чем блуждающие в веках топосы национального дискурса. Здания европейских наций – суть идейные конструкции раннего Нового времени; многие из заложенных в их фундаменты национальных мифов (под которыми я понимаю историческую память нации!), уже тогда подвергнутые уничтожительной критике, а позже деконструированные, до сих пор оказывают на политическое сознание народов и наций большее влияние, нежели реально произошедшие, но забытые за ненадобностью или неадекватно оцененные события и идеи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авентин Иоганн*. Баварская хроника / введение, вступ. ст., пер. и коммент. А.В. Доронина // *Культура Возрождения и власть*. М., 1999.
2. *Доронин А.В.* Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // *Миф в культуре Возрождения*. М., 2003.
3. *Доронин А.В.* Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007.
4. *Доронин А.В.* Немецкие sodalitas конца XV – начала XVI в. // *Культурные связи в Европе эпохи Возрождения*. М., 2010.
5. *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне*. М., 1993.
6. *Петрарка Ф.* Инвектива против того, кто хулит Италию // *Петрарка Франческо. Сочинения философские и полемические*. М., 1998.
7. *Тацит Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии. Гл. 2 // *Соч.*: в 2 т. М., 1993. Т. 1.
8. *Bebel H.* Lob Deutschlands // *Der deutsche Staatsgedanke von seinen Anfängen bis auf Leibniz und Friedrich den Grossen: Dokumente und Entwicklung. Zusammenge stellt und eingel. Von P. Joachimsen.* Darmstadt, 1967.
9. *Böhm H.* «Gallica gloria»: Untersuchungen zum kulturellen Nationalgefühl in der älteren französischen Neuzeit: Diss. phil. Freiburg, 1977.
10. *Celtis C.* Norimberga: («De origine, situ, moribus et institutis Norimbergae»). Nürnberg, 2000.
11. *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz: Die Begründung des karolingischen Kaisertums. Sigmarinen, 1985.
12. *Döbler H.-F.* Die Germanen. München, 2000.
13. *Ehlers J.* Karolingische Tradition und frühes Nationalbewusstsein in Frankreich // *Francia*. 1976. Bd. [4].
14. *Fichtenau H.* Das karolingische Imperium. Zürich, 1949.

15. *Fueter Ed.* Geschichte der neueren Historiographie. München und Berlin, 1936.
16. *Goetz W.* Translatio Imperii: ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen, 1958.
17. *Hutter P.* Germanische Stammväter und römisch-deutsches Kaisertum. Hildesheim, 2000.
18. *Joachimsen P.* Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus. Leipzig und Berlin, 1910.
19. *Joachimsen P.* Der Humanismus und die Entwicklung des deutschen Geistes. Darmstadt, 1969.
20. *Krämer U.* Translatio Imperii et studii: Zum Geschichts- und Kulturverständnis in der französischen Literatur des Mittelalters und der frühen Neuzeit. Bonn, 1996.
21. *Krapf L.* Germanenmythos und Reichsideologie: Frühhumanistische Rezeptionsweisen der lateinischen «Germania». Tübingen, 1979.
22. *Landfester R.* Historia magistra vitae: Untersuchungen zur humanistischen Geschichtstheorie des 14. bis 16. Jahrhunderts. Geneve, 1972.
23. *Muhlack U.* Geschichtswissenschaft im Humanismus und in der Aufklärung: die Vorgeschichte des Historismus. München, 1991 u.a.
24. *Münkler H., Grünberger H., Mayer K.* Nationenbildung: Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller: Italien und Deutschland. Berlin, 1998.
25. *Schiebe M.W.* Annus von Viterbo und die schwedischen Historiographie des 16. und 17. Jahrhunderts. Uppsala, 1992.
26. *Schneidmüller B.* Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum: Untersuchungen zur Herrschaftslegitimation der westfränkisch-französischen Monarchie im 10. Jh. Wiesbaden, 1979.
27. *Schramm P.E.* Der König von Frankreich: das Wesen der Monarchie vom 9. bis zum 16. Jh.: Ein Kapitel aus der Geschichte des abendländischen Staates. 2 Bd. Darmstadt, 1962.
28. *Seifert A.* Cognitio historica: die Geschichte als Namengeberin der frühneuzeitlichen Empirien. Berlin, 1976.
29. *Srbik H.R. von.* Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. 2 Bde. Salzburg, 1950.
30. *Turmair Joh. (Aventinus).* Sämtliche Werke. 6 Bd. München, 1881–1908.
31. *Werner K.F.* Die Legitimität der Kapetinger und die Entstehung des «Reditus regni Francorum ad stirpem Karoli» // Die Welt als Geschichte. 1952. [Bd.] 12.
32. *Zeller G.* Les rois de France candidats à l'Empire // Revue historique. 1934. [Vol.] 173.
33. Zur Geschichte der Gleichung «germanisch-deutsch»: Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen / Hg. von H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer, D. Hakelberg. 2004.

Поступила в редакцию 07.12.10

A.V. Doronin

Myth of nation: suggestion for discussion

The article deals with the problem of establishing the modern European nations as a theme for discussion.

Keywords: nation, discussion, historiography, Renaissance, mythology.

Доронин Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Германский исторический институт в Москве
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 51/21
E-mail: andrej.doronin@dhi-moskau.de

Doronin A.V.,
candidate of history, scientific scholar
German Institute of History in Moscow
117418, Russia, Moscow, Nakhimov avenue, 51/21
E-mail: andrej.doronin@dhi-moskau.de